

Призрак, едва различимый в начале, постепенно обретал четкие очертания. Женщина в красном, высокий пучок волос растрепан, голова опущена, рядом с лицом висит одинокая нефритовая серьга. Один рукав оторван, обнажая белоснежную руку, на которой Дзюсэцу заметила золотую метку – три звезды, выстроившиеся в ряд. — Уф, — женщина медленно подняла голову, — евнух прикрыл рот рукой. Лицо женщины было фиолетовым и опухшим, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Шаль сдавливала горло, язык высунулся изо рта, пальцы судорожно скребли шею. — Так не пойдет, — пробормотал Дзюсэцу, — в таком состоянии мы не добьемся от нее ни слова. Она дунула на фигуру, и дым рассеялся, унося с собой и призрак. Евнух вздохнул с облегчением, вытирая пот с бледного лица. Дзюсэцу вернула серьгу Коушуну. — Она не могла вымолвить ни слова, — сказала она, — мне не удалось выяснить ее имя. Лучше сдайся. Коушун, чье лицо не дрогнуло даже при виде призрака, скрестил руки на груди. — Значит, ее задушили? — Мне не известно, убили ее или она сама покончила с собой, — ответила Дзюсэцу. — Она была наложницей, — произнес Коушун, — хах. — Похоже на то. На ее руке была метка. Три звезды. То был знак наложницы внутреннего двора, оставшийся от предшественников императора. Три звезды был символом нынешних правителей, династии Ка. — Вероятно, она была наложницей моего деда или отца, — задумчиво произнес Коушун. — Или твоей, — добавила Дзюсэцу. — При мне еще ни одна не умирала, — ответил Коушун. Дзюсэцу помрачнела. В этом дворце, где наложницы и супруги сражались за милость императора, смерть была частым гостем. Отравления, утопления, казни... К ней самой приходили супруги с просьбами наложить смертельное проклятие, но быстро ретировались, узнав, что в оплату пойдет их собственная жизнь. Коушун зажал серьгу в руке. — Мы не знаем, было ли то убийство или самоубийство, — сказал он, — но значит ли это, что она вселилась в серьгу из-за своей ужасной смерти? — Похоже на то, — ответила Дзюсэцу, — обычно призраки такими не были. — Можно ли хоть что-то для нее сделать? — спросил Коушун. — Что?! — Дзюсэцу глупо заморгала. — В каком смысле «что-то»? — Говорят, когда люди умирают, они отправляются в рай по ту сторону моря. Приведениям это не позволено, они и после смерти продолжают страдать, — объяснил Коушун. Дзюсэцу посмотрела прямо в лицо Коушуну, но не смогла разгадать его мысли. — Не то чтобы я не могла этого сделать, — сказала она, — было несколько способов даровать призраку упокоение. Можно было провести обряд изгнания. Или избавить призрака от сожалений. Обычно это было что-то подобное. — Убили ее или довели до самоубийства, — произнес Коушун, — но у нее в любом случае наверняка остались сожаления. Несмотря на безэмоциональное лицо, его голос не звучал холодно, в нем слышалась странная нежность. Дзюсэцу вспомнился бедный призрак, женщина, которая при жизни отличалась красотой. Сколько же боли ей пришлось вытерпеть? — Можешь спасти ее? — спросил Коушун. Дзюсэцу колебалась. Она предпочитала избегать хлопотных дел и не хотела тесно взаимодействовать с императором. Но... нефритовая серьга тихо поблескивала в руке Коушуна. — На твоей руке тоже есть след, — заметил Коушун, — он не похож на метку дворца. Просто ранка. Дзюсэцу прикрыла запястье одной руки другой. — Это не метка дворца. Просто ранка, — ответила она. — Знаю. И место, и форма отличаются. Оно в форме цветка и похоже на ожог... — продолжал Коушун. Дзюсэцу резко встала. — Достаточно бессмысленной болтовни. Отлично. Я принимаю твой запрос о призраке, который привязан к серьге, — сказала она, выхватывая украшение из руки Коушуна. — Но не даю обещаний, что спасу ее. Тебя это устроит? — Да, более чем. Тогда, пожалуйста, займись этим, — ответил Коушун, тоже поднимаясь. — Почему ты так печешься об этом призраке? Это лишь из-за найденной тобой серьги? — спросила Дзюсэцу. — Ты можешь назвать это жалостью, — ответил Коушун. Дзюсэцу нахмурилась. Она не верила, что дело только в жалости. — Хорошо. Тогда приготовь для меня перечень жен предыдущего императора и императора, который был до него. Попробую сперва выяснить, кем она была. Для обряда упокоения ей нужно было больше информации, например, о том, как звали человека или где он родился. Так она могла бы выяснить, о чем же сожалеет призрак, — сказала Дзюсэцу. — Перечень? Не могу, — запротестовал Коушун. — Почему нет? Если прикажешь, то тебе тут же его принесут, —

ответила Дзюэцу. Она слышала от предыдущей наложницы-Ворона, что перечень жен и евнухов ведет отдел писарей. И только имена наложниц-Воронов не записывались. Значит, имя наложницы, умершей загадочной смертью, тоже должно быть там. По крайней мере, если записи велись как положено. — Если прикажу, об этом станет известно. — И что? — Это доставит проблем. Некоторые с подозрением относятся к каждому моему шагу, — ответил Коушун. — Сей, — Коушун окликнул стоявшего позади него евнуха. Тот поклонился. — Я потяну за некоторые ниточки. Хотя это может занять какое-то время. Коушун посмотрел на Дзюэцу. — Если мы сможем его достать, то принесем сюда, — пообещал он. Дзюэцу задумалась, а потом улыбнулась. — Тогда попрошу тебя о кое-чем другом, — сказала она. — О чем? — спросил Коушун, немного опешив от ее просьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2528814>